

И-33

225

Н. СТЕПАНОВ

И. А. КРЫЛОВ

МОСКВА

— ИСК —

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1944

24

СІ

Иван Андреевич Крылов
(1769—1844)

Н. СТЕПАНОВ

И. А. КРЫЛОВ

(К столетию со дня смерти)

33925.

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Москва 1944

8(с)Р + 92 кр. шк., И.А.
С-79

Редактор *Л. Тимофеев.*

А7941 Подписана к печати 20/X 1944 г. Печ. л. 1½
Авт. л. 1,42 Уч.-изд. л. 1,52. Тираж 60.000 Заказ 356
(Первый завод 1—30 т.) Цена 1 руб. 25 коп.

Филиал тип. изд. «Московский большевик», Москва,
Петровка, 17.

I

Крылов, по словам Белинского, — «честь, слава и гордость нашей литературы». В баснях Крылова все близко нашему сердцу: и «веселое лукавство ума», и «насмешливость и живописный способ выражаться», о которых говорил Пушкин, назвавший Крылова представителем духа русского народа.

Всенародную славу Крылов заслужил своими баснями. Но его литературная деятельность далеко не исчерпывалась ими. Яркий сатирический писатель — журналист и комедиограф конца XVIII века — Крылов всей литературной деятельностью, всей своей личностью наглядно являл многостороннюю одаренность русского человека.

Иван Андреевич Крылов родился 13 февраля 1769 года в Москве, в семье скромного армейского офицера. Во время пугачевского восстания отец будущего баснописца был направлен на Урал, и малолетний Крылов пережил всю тяжесть осады Оренбурга. Отец Крылова не сделал карьеры и, выйдя в отставку, определился в 1775 году на службу чиновником губернского

магистрата в Твери. В 1778 году он умер, когда Крылову было девять лет. В наследство будущий баснописец получил лишь сундук с книгами, собранными отцом за время его походной жизни.

Любознательный, живой мальчик, Крылов увлекается чтением, занимается вместе с детьми местного сановника Львова французским языком. Восьми лет он был уже записан на службу «подканцеляристом».

После смерти отца наступили тяжелые времена. Сохранилось предание, что мать Крылова принуждена была добывать средства, читая каноны в богатых дворянских и купеческих домах. В прошении о пенсии на имя Екатерины II она писала о своей «крайней бедности» и ее «жесточайших следствиях»; однако помощи ждать было неоткуда. Пришлось девятилетнего подростка Крылова, едва умевшего держать в руке перо, отдать на службу в тот же Тверской магистрат, где служил отец.

Нужда и служба в магистрате рано познакомили мальчика с жизнью, с мрачными нравами провинциальных судов, со злоупотреблениями и взяточничеством чиновников. Другой жизненной школой явилась улица. Бродить по площадям, базарам и торговым рядам, посещать качели и кулачные бои было любимым занятием Крылова. Он прислушивался к метким словечкам и

шуткам народа, рассказывал своим товарищам забавные анекдоты и поговорки, которые слышал от словоохотливых прачек, сходящихся на реку полоскать белье.

Скудная, беспросветная провинциальная жизнь, унылая служба в канцелярии тяготили живого одаренного юношу. И вот в 1782 году он, наконец, вырвался в столицу, в Петербург, и поступил там в Казенную палату канцеляристом, где прослужил около четырех лет.

Однако не служебная карьера влекла молодого Крылова в столицу, а заманчивые мечты о писательской будущности, литературные планы. В Петербурге он появляется с либретто комической оперы в стихах — «Кофейница», задуманной, возможно, еще в Твери. Новоявленному драматургу всего четырнадцать лет, но его опера привлекает внимание одного книгоиздателя, который покупает ее у Крылова. Как удивился издатель, когда, вместо своего гонорара в шестьдесят рублей ассигнациями, юноша попросил заплатить ему книгами и с бьющимся от радости сердцем унес Мольера, Расина и Буало!

Первая комедия Крылова так и не увидела света, но в ней уже, при всей ее литературной наивности и неумелости, чувствуется знание жизни, проглядывают наблюдательно схваченные черты крепостной действительности. Глухая

самодурка-помещица и хитрый кулак-приказчик, притесняющие крестьян, показаны правдивыми красками.

В Петербурге Крылов переживает горячее увлечение театром. Театр вырывает его из круга мелкой приказной среды, сближает с миром артистов и литераторов. Крылов пытается испробовать силы в трагедии. Две трагедии из древнегреческой жизни, написанные им в эти годы, так и не попали на сцену. Одна из них («Филомела») несколько лет спустя была напечатана в театральном сборнике «Российский феатр».

В 1787 году Крылов переходит на службу в Горную экспедицию.

Неудачи на драматургическом поприще не обескураживают, однако, юного автора. Он знакомится со знаменитым актером и драматургом Дмитриевским, часто посещает театр. Крылов становится известен в театральных кругах, он переводит модную французскую оперу «L'infante de Zamora» и вновь обращается к комедии. За эти годы (1786—1788) им написано несколько комедий: «Бешеная семья», «Сочинитель в прихожей», «Проказники». Это — смешные грубоватые пьесы, в которых осмеивались глуповатые дворяне, с их нелепыми претензиями, и ловкие, плутоватые слуги, дурачащие своих господ.

В комедии «Проказники» Крылов высмеял в образе Рифмокрада подражателя французским

авторам, одного из известнейших тогдашних драматургов — Княжнина. Произошел громкий скандал, после чего Крылову нельзя было и думать увидеть свои комедии на сцене, — так он вооружил против себя театральное начальство. Уязвленный барским спесивым отношением к нему начальника по службе и директора театра, от которого он всецело зависел, — П. А. Соймонова, Крылов разрывает с ним отношения и пишет крайне резкое письмо, перечисляя в нем все те обиды и унижения, которым он подвергался.

Тогда же он сближается с новыми передовыми людьми той эпохи — с вольнодумцами круга Радищева, людьми независимых взглядов. С 1786 года Крылов начал печататься в журнале «Лекарство от скуки и забот». А в 1788 году он помещает без подписи несколько басен в журнале «Утренние часы», издателем и руководителем которого был писатель И. Рахманинов, человек передовых взглядов, поклонник и переводчик Вольтера, Мерсье и других французских писателей-просветителей. Крылов подружился с этим умным и образованным человеком и вскоре вместе с ним предпринял ряд литературных начинаний.

Первые басни Крылова, знаменательные как проявление раннего интереса его к этому роду поэзии, еще мало чем отличались от басен поэ-

тов XVIII века. Молодой Крылов видел в это время свое призвание не в поэзии, а в журнальной сатире.

В начале 1789 года в газете «Московские ведомости» появилось следующее объявление: «В книжных лавках близ Кузнецкого моста... принимается подписка на выходящее вновь с генваря месяца сего 1789 года ежемесячное издание под заглавием: «Почта духов или ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами». Издателем и автором сатирического журнала был сам Крылов. В «Почте духов» он зло и метко осмеивает дворянское общество, развращенность нравов, недостатки воспитания.

«Почта духов» продолжала традиции сатирических журналов Новикова, но еще решительнее, чем он, ставила вопрос о крепостном праве, об угнетенном положении народа. Вслед за Радищевым Крылов требовал равенства, основанного на честном исполнении своего гражданского долга. «И самый низкий хлебопашец, — писал он, — исполняющий рачительно должности своего состояния, более заслуживает быть назван честным человеком, нежели гордый вельмужа и несмысленный судья».

Крылов вовсе не был тогда тем спокойным мудрецом, каким он стал в старости. В эти

годы он полон молодой запальчивости, энергии, бурной непримиримости. Он особенно болезненно чувствует свое униженное положение бедняка-разночинца, свою зависимость от знатных вельмож. Недаром в произведениях Крылова этих лет постоянно возникает образ бедняка-поэта или художника, выступающего против вельмож и сильных мира сего. В одном из писем «Почты духов» рассказывается о бедняке-писателе, вторгающемся в царские палаты, чтобы возвестить «истину». По словам окружающих царя вельмож, это — «самый опаснейший человек». Таким «опасным человеком» являлся и молодой Крылов, яростно осмеивавший недостатки общества.

Следует удивляться зрелости политической мысли и суждений двадцатилетнего юноши, его широкой начитанности, независимости мысли. Ведь целый ряд писем «Почты духов», принадлежащих Крылову, чрезвычайно близок по своим идеям и взглядам к Радищеву! Крылов воспитывался на идеях французских энциклопедистов и литературы эпохи просвещения. Вольтер, Монтескье, Мерсье, Руссо — авторы ему хорошо знакомые, к ним он постоянно обращался в своей журнальной и публицистической деятельности. В эти же годы Крылов выступает и как поэт, автор целого ряда лирических стихотворений, переложений псалмов и т. д.

Одаренность Крылова сказалась и в его спо-

способностях рисовальщика и музыканта — он прекрасно играл на скрипке.

«Почта духов» просуществовала всего около года. Но Крылов не оставил журнального поприща. Задумав издание нового журнала, он организует вместе со своими друзьями — актером Дмитриевским, актером и драматургом Плавильщиковым и молодым литератором Клушиным — типографию на паях.

Типография «Г. Крылова с товарищи» должна была стать таким же культурно-просветительным предприятием, каким в свое время была издательская деятельность «Типографической компании» Новикова. В любопытном документе, сохранившемся от этого крыловского начинания, в договоре, заключенном четырьмя друзьями под пышным названием: «Законы, на которых основано заведение типографии и книжной лавки», участники договора указывали, что «сие общество основывается на законах истинного дружества». Наличие собственной типографии и книжной лавки позволяло Крылову чувствовать себя независимее и увереннее.

С 1792 года в типографии «Г. Крылова с товарищи» стал печататься новый журнал «Зритель», главными сотрудниками которого были Крылов и Клушин. Наряду со статьями о театре, «Зритель» продолжал в основном ту же линию демократической сатиры, которая начата

была «Почтой духов». «Право писателя представлять порок, — писалось в обращении от издателей журнала, — во всей его гнусности, дабы всяк получил к нему отвращение, а добродетель — во всей ее красоте, дабы пленить ею читателя: сим правом вознамерился пользоваться «Зритель». «Зритель» пользовался этим правом очень широко. В нем помещен целый ряд блестящих сатирических памфлетов и фельетонов Крылова, нападавшего с исключительной смелостью и резкостью на крепостнические отношения, на привилегированное положение дворянства. «Речь, говоренная повесою в собрании дураков», «Похвальная речь в память моему дедушке», «Каиб», «Ночи» принадлежат к числу лучших прозаических произведений Крылова и занимают видное место в литературе конца XVIII века.

В этих сатирических статьях и рассказах Крылов, иногда возвышаясь до радищевского пафоса, со смелой резкостью высмеивает дворян-крепостников, угнетающих и грабящих народ. В пародийной «Похвальной речи в память моему дедушке» он рисует картину разорения крестьян беспутным и легкомысленным помещиком, проживающим в неделю то, что «две тысячи подвластных ему простолюдинов вырабатывают в год»: «Часто, бывало, когда приедем мы к нему в деревню обедать, то, видя всех крестьян его

бледных, умирающих с голоду, страшимся сами умереть за его столом голодною смертью... Но какое приятное удивление! Садясь за стол, находили мы богатство, которое, казалось, там было неизвестно, и изобилие, которого тени не было в его владениях. Искуснейшие из нас не постигали, что еще мог он содрать с своих крестьян...»

В «Зрителе» же было помещено и другое замечательное произведение молодого Крылова — его сатирическая повесть «Каиб». В ней в аллегорически-восточной сказочной форме рассказывалось о бедственном положении народа под властью вельмож, обличался произвол и деспотизм самодержавной власти. Кроме того, в «Каибе» высмеивалось слащаво-идиллическое описание крестьянской жизни у писателей-сентименталистов, в первую очередь у Карамзина. Уже тогда Крылов требовал от писателя правдивости и простых реалистических красок, — тем самым он продолжал ту линию русской прозы, которая шла от Радищева, его «Путешествия из Петербурга в Москву».

Для Крылова, как и для русских просветителей XVIII века, вопрос об общественном устройстве неотделим от патриотической заботы о своем отечестве, от утверждения национальной культуры. «Не все рожденные в Отечестве достойны величественного наименования сына Отечества

(патриота)», — писал Радищев, с гневом обличая вельмож, об'ятых «пламенем гордости, любоначалия и насилия», и «вертопрахов», проводящих время в «пустогололании». Эту же патриотическую позицию занимал и Крылов в «Почте духов» и во всей своей сатирической публицистике. Острие его сатиры направлено прежде всего на тех, кто, прельстясь поверхностным лоском западно-европейской культуры, утерял чувство национального достоинства и патриотизма. Он выступает против тех «гнусных сатириков, которые ругают свое отечество без всякой другой причины, как только, чтобы показать остроту своего пера». Он нападает на модное французское воспитание, отрывающее от народной национальной почвы, видя в нем, вслед за Новиковым и Фонвизиным, одну из основных причин развращенности нравов. Зло высмеивает он русских сановников, зависящих в своих мнениях от французского парикмахера, и пустоголовых «петиметров», столичных Митрофанушек, которых он показывает в метком сатирическом образе Припрыжкина.

Не менее отрицательными чертами изображает Крылов провинциальных помещиков-тунеядцев, рыскающих целыми неделями по полям с собаками, а по воскресеньям напивающихся с приходским священником. Светское притворство, распад семьи, пренебрежение своими гражд-

данскими обязанностями, взяточничество и казнокрадство осмеиваются в ярких образах крыловской сатиры. Бытовые сцены, картины нравов дворянского общества изображены им сочными «фламандскими» красками. В этих картинах нравов Крылов, продолжая традиции Новикова и Фонвизина, являлся непосредственным предшественником Нарезного и Гоголя.

Крылов не ограничивается сатирой на нравы, но дает обобщенную критику всего общественного строя, занимая особенно непримиримую позицию по отношению к крепостническому дворянству, паразитизму и безнравственности которого он противопоставляет тяжелую жизнь крестьянина. «С самого начала, как станешь себя помнить, — обращался он в «Зрителе» к дворянину, — затверди, что ты благородный человек, что ты дворянин, и следственно, что ты родился только поесть тот хлеб, который поселяют твои крестьяны, словом—вообрази, что ты счастливой трутень, у коего не обгрызают крыльев, и что деды твои только для того думали, чтобы доставить твоей голове право ничего не думать».

Общественная атмосфера тех лет была насыщена дыханием французской революции, доносившимся и до холодных невских берегов. Правительство особенно настороженно следило за журналами, за печатью, опасаясь выражения

общественного недовольства и предпринимая меры к его подавлению. Новиков томился в Шлиссельбургской крепости, Радищев был сослан в далекую Сибирь. Волна правительственных репрессий коснулась и Крылова, — журнальная и издательская деятельность его возбуждала недовольство и подозрение императрицы Екатерины II.

33225 По ее приказу летом 1792 года в типографии «Г. Крылова с товарищи» был произведен обыск. Искали не дошедшее до нас сочинение Крылова «Мои горячки», вероятно впоследствии уничтоженное писателем. А заодно при осмотре типографии полиция прихватила и сочинение Клушина «Горлицы», в котором выражалось сочувствие французской революции. Крылов и Клушин подвергались полицейским допросам. Дело было прекращено за отсутствием материалов, но на протяжении многих лет Крылов оставался на подозрении.

После всех этих злоключений издание «Зрителя» пришлось прекратить. Вместо него на следующий год неугодные издатели предприняли выпуск нового журнала «Санкт-Петербургский Меркурий». В нем, однако, поневоле они проявили значительно большую сдержанность в социальных и политических вопросах. Крылов и Клушин (Дмитревский и Плавильщиков отпали ранее) вынуждены были расстаться с соб-

ственной типографией, в силу указа о ликвидации частных типографий.

Неизвестно, как была прекращена деятельность неблагонадежных авторов. Но Крылову, как человеку особенно скомпрометированному, пришлось не только уйти из литературы, но и надолго скрыться с глаз правительства.

В течение нескольких лет, с 1794 по 1801 год, Крылов скитается по провинции, появляясь время от времени в знакомых помещичьих домах и на ярмарках, ведет кочевой образ жизни человека без средств и определенных занятий. Несомненно, неожиданное крушение всех литературных и личных планов болезненно отразилось на нем.

Скитаясь по провинции, подолгу гостя у помещиков-меценатов, Крылов был обречен на вынужденное бездействие, на зависимость от покровителей. Около 1797 года Крылов познакомился с князем С. Ф. Голицыным, заслужившим немилость императора Павла I. Опальный князь отсиживался в своем имении Казацком. У него и поселился Крылов, выполняя обязанности секретаря и учителя княжеских детей.

Во время своего пребывания в Казацком Крылов написал для любительского театра комическую «шутотрагедию» «Трумф», направленную против немцев. Осмеивая наглое солдафонство «немчур», Крылов метил в первую очередь

против «гатчинцев», — онемечившегося Павла I и его немецкого окружения, — ненавистных русским людям. Благодаря сатирической меткости обобщенности и верно схваченным чертам немецкого характера, «Трумф» («Подшипа») превратился в сатиру на немецкую армию. В то же время «шутотрагедия» являлась пародией на ложный и искусственный пафос трагедий XVIII века, осмеивая тот «возвышенный» стиль, которому Крылов и сам следовал в своих первых драматических опытах.

«Трумф» был поставлен тогда же в любительском спектакле с участием самого Крылова, игравшего роль Трумфа. Однако, в силу сатирической резкости, «шутотрагедия» так и не была напечатана при жизни Крылова и издана за границей только спустя много лет после его смерти. Несмотря на запрет, крыловская комедия стала очень популярна и распространялась в списках. О «Трумфе» вспоминает и молодой Пушкин в стихотворении «Городок».

С началом либеральных веяний царствования Александра I Крылов получил возможность вновь вернуться к общественной и литературной деятельности. В конце 1801 года он отправляется в Ригу в качестве секретаря Голицына, назначенного рижским губернатором. В Риге Крылов прослужил до конца 1803 года. В 1805 году он приезжает в Москву, где встречается с поэ-

том-баснописцем Дмитриевым. Он вновь возвращается к литературе, переводит басни Лафонтена «Дуб и трость», «Разборчивая невеста», «Старик и трое молодых» и, при содействии Дмитриева, печатает их в «Московском зрителе». Успех этих басен определил и дальнейший литературный путь Крылова.

К 1806 году Крылов окончательно перебирается в Петербург. Там он сближается с известным драматургом и театралом кн. А. А. Шаховским и пишет комедии «Модная лавка» и «Урок дочкам». Эти комедии, тогда же поставленные на сцене, имели большой и длительный успех у зрителя. В них Крылов вновь обращается к своей излюбленной теме—воспитания патриотического чувства в русском обществе. Нападая на галломанию русского дворянства, на его равнодушие к русской национальной культуре, Крылов создает целый ряд жизненных сатирических образов. Здесь и провинциальная щеголиха-помещица Сумбурова («Модная лавка»), увлеченная французскими модами, и жеманные помещицы-дочки («Урок дочкам»), благоговеющие перед французским языком. В дальнейшем основная для Крылова тема уважения к своей национальной культуре и языку переходит в его басни.

Эти комедии, продолжая драматургические принципы прежних пьес Крылова, гораздо реалистичнее, свободнее, метче и ярче их по языку.

К 1807—1808 гг. относится сближение Крылова с известным знатоком и любителем искусства А. Н. Олениным и его семьей. В доме Олениных собирался кружок писателей, художников, ученых. «Сюда обыкновенно привозились все литературные новости: вновь появлявшиеся стихотворения, известия о театрах, о книгах, о картинах,—словом все, что могло питать любопытство людей... движимых любовью к просвещению», — рассказывает об оленинском кружке один из современников¹. Здесь, помимо Крылова, постоянно бывали Шаховской, Озеров, Батюшков, Гнедич, ставший близким другом баснописца, а несколько позже и Пушкин.

В оленинском кружке, в отличие от философских кружков вольнодумцев XVIII века, на первом месте стояли вопросы искусства. «Не взирая на грозные события, совершавшиеся тогда в Европе, политика не составляла главного предмета разговора,—она всегда уступала место литературе»². Сам Оленин, как и собиравшиеся у него члены кружка, являлся поклонником античности, классического искусства. В то же время в кружке особое внимание уделялось возрождению национального русского искусства, возведению русских героических преданий, на-

¹ А. В. Литературные воспоминания, «Москвитянин», 1851 г., № 12, кн. 2, стр. 428.

² Там же, стр. 428.

родного творчества до совершенной классической высоты, до идеальных форм античного искусства. Эти взгляды во многом были близки и Крылову, горячему стороннику обращения к русской национальной культуре. Кроме того, в доме Олениных Крылов чувствовал себя в том дружеском семейном быту, которого так не хватало в жизни писателя.

В 1809 году вышла первая книга басен Крылова, принесшая ему всенародную славу. С тех пор Крылов в течение почти четверти века продолжал деятельность баснописца. Его популярность росла из года в год, самое чтение новых басен, — а читал он их превосходно, — становилось своего рода литературным событием: «...впечатление, производимое его коротенькими творениями, было неимоверное: часто не находились места в зале; гости толпились около поэта, становились на стулья, столы и окна, чтобы не проронить ни одного слова»¹. Отдельные выражения крыловских басен быстро подхватывались и становились пословицами.

В 1811 году Крылов избирается членом «Беседы любителей русского слова», объединявшей писателей старшего поколения, а вскоре и членом Российской Академии. Достигнув широкой

---

¹ Портретная и биографическая галерея. СПб, 1841 г., тетр. 2, стр. 5.

известности, Крылов сохранил тот же скромный, размеренный образ жизни, который вел в течение многих лет. Состоя членом Беседы и Академии, в которых объединялись приверженцы русского «классицизма», Крылов в то же время был близок к Пушкину и его друзьям.

В 1812 году Крылов поступил на службу в Публичную библиотеку, директором которой был назначен Оленин. Там Крылов прослужил двадцать девять лет, до своей отставки в 1841 году. Служба в библиотеке, обеспечивая писателя материально, доставляла ему минимум хлопот и беспокойства.

Правда, ему приходилось много времени уделять дежурствам в библиотеке и налаживанию всей библиотечной работы. Сохранившиеся документы свидетельствуют о целом ряде мероприятий библиотечного и библиографического характера, которые были выполнены Крыловым за время его службы. Он занимался каталогизацией книг, разбором эстампов, составлением библиографического указателя рекомендуемой литературы, который сохранился в виде объемистой рукописи, насчитывающей около трех тысяч названий.

Но главная работа Крылова шла над созданием басен. Сохранившиеся черновые рукописи свидетельствуют об огромной и трудоемкой работе его над каждым словом. Ведь для того

чтобы написать, казалось бы, такие простые, каждому известные стихи: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?», или сказать так выразительно и кратко: «Ты сер, а я, приятель, сед»—нужно было переработать много тонн «словесной руды», по многу раз переделывать и обдумывать каждое слово.

Жил Крылов по соседству со службой, в здании библиотеки, в небольшой квартирке, которую он редко позволял своей прислуге убирать, чтобы не нарушать спокойной размеренности своей жизни.

Пушкин, хорошо знавший и любивший Крылова, записал один из анекдотов о беспечной лени баснописца: «У Крылова над диваном, где он обыкновенно сиживал, висела большая картина в тяжелой раме. Кто-то ему дал заметить, что гвоздь, на который она была повешена, не прочен, и что картина когда-нибудь может сорваться и убить его. «Нет, отвечал Крылов, угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову».

Обычно Крылов сидел дома в халате, перед столиком, на диване, в комнате, откуда хорошо был виден Невский проспект. Он редко куда выходил из дому, помимо службы в библиотеке, лишь ездил обедать в Английский клуб. По

вечерам посещал дружеское семейство Олениных. Летом часто гостил у них на даче в Приютино, под Петербургом.

Поэтом-философом, ленивым мудрецом в тиши «приютинских лесов» изобразил его поэт Батюшков, верно понявший, что за внешним обликом «лентяя-философа» скрывалось мудрое и наблюдательное отношение Крылова к жизни, глубокое ее восприятие:

Поэт, лентяй, счастливец
И тонкий философ,
Мечтает там Крылов
Под тению березы
О басенных зверях
И рвет парнасски розы
В приютинских лесах.

За годы скитаний Крылов многому научился, многое понял на горьком опыте. Это уже не прежний неутомимый журналист, издатель, драматург, вкладывавший в каждое дело свою бурную энергию. Крылов стремится теперь оградить себя от посягательств на его личную свободу, обеспечить себе возможность той независимости суждений, которую так трудно было сохранить, даже пользуясь «эзоповским языком» басни.

Огромная популярность Крылова заставляла правительство считаться с ним. Оно даже пытается привлечь его на свою сторону официальным

признанием заслуг баснописца. Еще при жизни Крылова сложилась официальная характеристика его как добродушного моралиста, не интересующегося политикой и злобой дня. Таким добродушным «дедушкой Крыловым» его и старались представить.

Но под внешней флегмой, под репутацией «ленивца» и чудака скрывался живой, острый и едкий ум писателя, глубокое и тонкое знание людей, приобретенное ценой большого жизненного опыта. Это верно понял и высказал впоследствии П. Вяземский: «Крылов был вовсе не беззаботливый, рассеянный и до ребячества простосердечный Лафонтен, каким слывет он у нас... но во всем и всегда был он, что называется, себе на уме. И прекрасно делал, потому что он был чрезвычайно умен... басни и были именно призванием его, как по врожденному дарованию, о котором он сам даже, как будто, не догадывался, так и по трудной житейской школе, через которую он прошел. Здесь и мог он вполне быть себе на уме; здесь мог он многое говорить, не проговариваясь; мог, под личиною зверя, касаться вопросов, обстоятельств, личностей, до которых, может быть, нехватило бы духа у него прямо доходить»¹.

---

¹ П. Вяземский. Собрание сочинений т. I, СПб, 1878 г., стр. 163—164.

Крылов с пристальным вниманием и интересом следит за всеми явлениями общественной жизни, откликаясь на них в насмешливо-аллегорической форме своих басен. Преобразование Государственного совета, Венский конгресс, деятельность Александра I — все это встречает отклик в баснях Крылова, иронически умную и трезвую оценку.

Дружба с Гнедичем, близость к пушкинскому кругу, восторженное отношение к басням Крылова декабристов, видевших в них яркую общественную сатиру, — свидетельствуют о том, на какую среду ориентировался Крылов, в каком направлении шли его политические и литературные симпатии.

В период официальных славословий по адресу Александра I Крылов в басне «Чиж и Еж» (1814) демонстративно отказывается «петь» Александра, иронически замечая, что он «голоса такого не имеет», чтобы его «достоинно величать». Не случайно, что Крылов молчит в течение нескольких лет после восстания декабристов, а его басню «Булат» (1830) современники справедливо относили к судьбе Ермолова, находившегося в опале из-за своей близости к декабристам. В судьбе Ермолова Крылов мог видеть сходство и со своей собственной судьбой. Булат на упреки в том, что он служит лишь

мелким, бытовым делам вместо своего настоящего назначения, отвечает:

Но разве я свободен?

Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годен.

По своим взглядам Крылов был далек от движения декабристов. Он не терял веры в возможность «просвещенного» и разумного государственного устройства и в то же время был готов, во имя сохранения прочности государства, осудить неприемлемые для него «крайности» (басни «Конь и Всадник», «Сочинитель и Разбойник» и др.) насильственного изменения существующего строя.

Вместе с тем Крылов сохранил всю силу своего отрицания, все свое неприязненно-ироническое отношение бедняка-плебей к окружавшему его крепостническому обществу.

Этот внутренний протест, эту затаенную иронию Крылова подметил И. Тургенев:

«Крылова я видел всего один раз — на вечере у одного чиновного, но слабого петербургского литератора. Он просидел часа три с лишком, неподвижно, между двумя окнами — и хоть бы слово промолвил! На нем был просторный, поношенный фрак, белый шейный платок; сапоги с кисточками облекали его тучные ноги. Он опирался обеими руками на колени — и даже не поворачивал своей колоссальной, тяжелой и ве-

личавой головы, только глаза его изредка двигались под нависшими бровями. Нельзя было понять: что он, слушает ли и на ус себе мотает, или просто так сидит и «существует»? Ни сонливости, ни внимания на этом обширном, прямо русском лице, — а только ума палата... да по временам что-то лукавое словно хочет выступить наружу и не может — или не хочет — пробиться сквозь весь этот старческий жир...»¹.

Проявлением постоянной деятельности ума, сосредоточенности внутренней жизни Крылова являлась неустанная работа его над собой. Уже на старости выучился он английскому и древнегреческому языкам. Древнегреческий выучил он специально для того, чтобы прочесть в оригинале Гомера, переведившегося его другом и соседом поэтом Гнедичем. Крылов даже сам перевел отрывок из «Одиссеи» и перечел в подлиннике древнегреческих классиков, в том числе и басни Эзопа. Большая и упорная работа велась им над своими баснями, о чем свидетельствуют сохранившиеся рукописи. Крылов по многу раз переделывает и перерабатывает их, добываясь предельной точности, ясности и эпиграмматической краткости.

До конца своей жизни он сохранил ясность

---

¹ И. Тургенев. Собр. соч., т. XI, Л., 1934 г., стр. 444—445.

ума и железную крепость здоровья: «Он был чрезвычайно сильного сложения и щеголял как желудком, так и здоровьем. Живучи некогда в доме Рибаса... он ходил купаться в канал, омывающий с этой стороны Летний сад. Купался весь сентябрь и октябрь месяца, наконец, в ноябре, реки покрылись льдом, а он все-таки, скачком проламывая лед, продолжал купаться до сильных морозов»¹.

В 1838 году был устроен торжественный юбилей пятидесятилетия литературной деятельности Крылова, на котором Жуковским и другими писателями отмечались огромные заслуги Крылова перед русской литературой.

В последнее десятилетие своей жизни одряхлевший Крылов уже больше не выступал в печати с новыми произведениями. В 1841 году он вышел в отставку и, расставшись со службой в библиотеке, поселился «на покое». Двадцать первого ноября 1844 года Крылов умер и был похоронен в Александро-Невской лавре, рядом с Карамзиным и Гнедичем. В 1885 году в Летнем саду, по общенародной подписке, был поставлен ему памятник, изображавший Крылова в кругу созданных им басенных образов.

---

¹ М. Лобанов. Жизнь и сочинения И. А. Крылова, СПб, 1847 г., стр. 61.

II

Крылов прожил большую и долгую жизнь. Он был современником Новикова, Радищева, Фонвизина, Державина, он пережил поколение декабристов и Пушкина и на закате своей жизни встретился с Тургеневым и людьми сороковых годов. Уроки истории обогатили его жизненный опыт и крепко связали его с народом, чей голос слышен в его баснях. Общественные взгляды и литературные воззрения Крылова сложились еще в восьмидесятых—девяностых годах бурного и плодотворного XVIII века. Крылов воспитался на свободолобивой философии века просвещения. Этим в значительной мере объясняются просветительски-моралистические истоки и тенденции творчества Крылова.

Этим определяется и тесная связь между ранним журнально-сатирическим периодом творчества Крылова и его баснями.

«*Ridendo castigat mores*» — «Пусть смеясь исправляет нравы», — эта надпись на занавесе петербургского театра точно передает понимание воспитательного воздействия искусства, и в частности сатирического, в России XVIII века. Именно сатирическая линия литературного развития подготовила и расцвет русского критического реализма. «...Фонвизиним, — писал Горький, — начата великолепнейшая и, может быть,

наиболее социально плодотворная линия русской литературы — линия обличительно-реалистическая», от которой пошли «такие крупные люди, как Крылов, Грибоедов, Гоголь, Пушкин, Шедрин...»¹.

Через всю жизнь пронес Крылов горячую любовь к своему народу, трезвую независимость и демократизм взглядов, подлинно-патриотическое чувство русского человека, стремящегося к величию и благоденствию своего отечества, обличающего все, что мешает его развитию.

В творчестве Крылова русский народ обрел своего национального баснописца, передавшего лукавый юмор русского народа, его «живописный способ» выражения, его веками накопленную мудрость. Недаром один из современников великого русского баснописца, развивая мысль Пушкина, писал о Крылове: «Русский ум олицетворился в Крылове и выражается в творениях его. Басни его — живой и верный отголосок русского ума с его сметливостью, наблюдательностью, простосердечным лукавством, с его игривостью и глубокомыслием, не отвлеченным, не умозрительным, а практическим и житейским» (П. А. Вяземский).

Еще в год смерти великого русского басно-

---

¹ М. Горький. История русской литературы. М., 1939 г., стр. 25.

писца Белинский указывал, что Крылов «больше всех наших писателей, кандидат на никем еще не занятое на Руси место «народного поэта»; он им сделается тотчас же, когда русский народ весь сделается грамотным народом. Сверх того, Крылов проложит и другим русским поэтам дорогу к народности»¹. Эту дорогу к народности Крылов проложил целому ряду русских писателей — Пушкину, Грибоедову, Островскому, Салтыкову-Щедрину, показав могучую силу и великодушную яркость русского национального характера, русского языка.

Крылов поднял басенный жанр на такую высоту, которой после него не могли уже достигнуть. Басни современников, тем более позднейших баснописцев, не могут сравниться с крыловскими ни по глубине народной мудрости, ни по сжатости и силе выражения, ни по богатству и простоте языка. Для того чтобы достичь этой гениальной простоты и народности, Крылову необходимо было обратиться к родникам народной мысли и творчества, к мудрости народа. В этом тайна вечной свежести и современности крыловских басен.

В баснях Крылова проходит вся Россия — от царя до мужика. Острие своей сатиры он на

---

¹ Полное собрание сочинений В. Белинского, СПб, 1907, т. VIII, стр. 426.

правляет на дворян-туенядцев, на корыстолюбивых вельмож, взяточников-чиновников, противопоставляя им честный и трудолюбивый русский народ. Басни Крылова вовсе не были безобидной насмешкой. Они указывали на самые кровоточащие и болезненные язвы современного ему крепостнического строя. В них осмеивались и произвол, и корыстолюбие господ, «Слоны на воеводстве», «Щуки», «Волки» и «Медведи», грабившие и угнетавшие народ. Недаром Грибоедов в «Горе от ума» заставляет Загорецкого признаться:

«... а если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег, ох! басни смерть моя!
Насмешки вечные над львами, над орлами!
— Кто, что ни говори.
Хотя животные, а все-таки цари!»

Трезвая демократическая мораль крыловских басен направлена на воспитание русского человека, гражданина-патриота, которому ненавистна социальная несправедливость крепостнического строя.

В баснях Крылова яркими сатирическими красками показана старая дореформенная Россия. Даже мелкие конкретные детали и штрихи говорят об этом. Вот, например, «старый плут» Медведь, назначенный надсмотрщиком над ульями (в басне «Медведь у Пчел»), любитель

медку и заведомый вор. Он перетаскал весь мед в свою берлогу, и хотя над ним «по форме нарядили суд», но наказание ограничилось лишь тем, что Мишке дали отставку и он залег на зиму в берлогу лакомиться ворованным медом. В этих образах Крылов является предшественником Салтыкова-Щедрина.

Крылов метко и реально изображает русскую действительность, русский быт. Медведь Крылова не просто аллегорический Медведь, каким он являлся в античной и классической басне. Это именно русский чиновный хапуга, беззастенчиво накладывающий лапу на народное добро. А глупый, неблагодарный Осел! В баснях Крылова он выражает типические черты чиновной глупости и душевной низости. «Хоть в спеси никому Осел не уступал», хоть стал он «скотиной превеликой», но остается тем же спесивым и неблагодарным вельможей, столь ненавистным Крылову.

Все симпатии Крылова на стороне угнетенного люда. Недаром народ олицетворяется им в образах беззащитных и мирных зверей, а еще чаще выступает в бытовых образах и персонажах. Богатый откупщик завидует веселому сапожнику и, передавая ему деньги, хочет лишить его спокойной и мирной жизни. В этом трудовом идеале простой и счастливой жизни народа

основное положительное содержание морали Крылова.

Крылов говорит в своих баснях от лица народа, выражая его нравственное представление о жизни, его демократическую, трудовую мораль. И, осмеивая несправедливость крепостнического строя, развращенность его представителей, Крылов в то же время сохраняет веру в нравственное превосходство русского народа.

Вместе со всем народом Крылов пережил величие народного подвига в Отечественную войну двенадцатого года, героическую решимость народа бороться за свою свободу и честь.

В баснях «Волк на псарне», «Обоз» Крылов показал мудрый и осторожный характер стратегического замысла Кутузова в момент, когда его план был еще многим не ясен («Обоз»).

Басни Крылова имели огромный успех в армии и в народе, поддерживая веру в Кутузова, как в народного полководца. Вся Россия повторяла заключительные слова басни «Волк на псарне» о непримиримости к коварному врагу:

«Ты сер, а я, приятель сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Основу гражданской жизни Крылов видел в народе, в его повседневном труде на благо отчизны. Тунеядству, паразитической психологии крепостнических верхов Крылов противопоставил идеал народа-трудолюбца. В басне «Листы и Корни» он утверждает животворную незаметную работу «Корней», питающих верхи и дающих существование «Листам», легкомысленно кичащимся своей красотой:

«Мы те, —
Им снизу отвечали:
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы—корни дерева, на коем вы цветете.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится;
А если корень иссушится, —
Не стает дерева, ни вас».

Служение своему народу, честный и полезный труд на общее благо Крылов противопоставляет барскому презрению к труду. На похвалу Орла, в басне «Орел и Пчела», гордящегося тем, что он «всюду рассеивает страх», Пчела отвечает:

«Тебе хвала и честь!
Да продлит над тобой Зевес свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ишу свои работы,
Но утешаюсь тем, на наши смётря соты,
Что в них и моего хоть капля меду есть».

Это понимание правоты народа, значения его труда для развития государства проходит через все творчество Крылова.

Крылов — писатель-моралист. Басни Крылова учат честности, благородству, бескорыстию, добросовестному отношению к своему гражданскому долгу, любви к отечеству. Это чисто народные, русские нравственные качества, выражающие основной характер русского народа. Идеал человека, который рисуется в его баснях, — это образ народного мудреца, обличающего всякую ложь и низость, защитника интересов народа и свободной человеческой мысли против угнетения и несправедливости. Мораль Крылова, это — трезвая, демократическая мораль, простая, деловая мудрость народа, видящего свои недостатки и осмеивающего их. Такие басни, как «Демьянова уха», «Тришкин кафтан», «Кот и Повар», «Ворона и Лисица» и многие другие, с лукавым юмором русского народа осмеивают общечеловеческие недостатки и слабости, учат жизненной мудрости и практической смекалке.

Мораль Крылова — это практическая мораль русского человека, земная мораль. Крылов не любит отвлеченных рассуждений, заменяющих дела («Кот и Повар»), ему враждебно абстрактное теоретизирование, оторванное от практических нужд народа, схоластическая псевдонауч-

ность, высмеянная им в басне «Огородник и Философ».

Народная мудрость басен Крылова, их русская национальная природа сказались в самой манере, в самом характере его творчества. Юмор Крылова целиком идет от народного юмора, мораль его басен рождается из народных пословиц и поговорок. Многие басни посвящены им переложению народных пословиц: «из огня да в полымя» («Госпожа и две служанки»), «у страха глаза велики» («Мышь и Крыса») и т. д.

Замечательно сказал о народном характере басен Крылова Белинский: «Он вполне исчерпал в них и вполне выразил ими целую сторону русского национального духа: в его баснях, как в чистом, полированном зеркале, отражается русский практический ум, с его кажущейся неповоротливостью, но и с острыми зубами, которые больно кусаются; с его сметливостью, острою и добродушно-саркастической насмешливостью; с его природною верностию взгляда на предметы, и способностью коротко, ясно и вместе кудряво выражаться. В них вся житейская мудрость, плод практической опытности, и своей собственной и завещанной отцами из рода в род»¹.

---

¹ Полное собрание сочинений В. Белинского, 1901 г., т. V, стр. 265.

Крылов, когда его спросили, почему он пишет именно басни, отвечал: «этот род понятен каждому: его читают и слуги, и дети». Крылов был первым русским писателем, который творил для всего народа, а не для узкого круга избранных. «Выбрал он себе форму басни, — писал о нем Гоголь, — всеми пренебреженную, как вещь старую, негодную для употребления, и почти детскую игрушку — и в сей басне умел сделаться народным поэтом... Тот ошибется грубо, кто назовет его баснописцем в таком смысле, в каком были баснописцы Лафонтен, Дмитриев, Хемницер и, наконец, Измайлов. Его притчи — достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа»¹.

Никто из предшественников или современников Крылова не достигал такой простоты, естественности и вместе с тем обобщенности образов. Басни Крылова не только свидетельствовали о зрелости русской литературы начала XIX века, но и явились источником ее дальнейшего развития. Крылов придал новый и самобытный характер басенному роду, одному из самых древних и устойчивых жанров в мировой литературе.

В русской литературе XVIII века басня явля-

---

¹ Н. В. Гоголь. В чем же, наконец, существо русской поэзии. Собрание сочинений, изд. 10-е, 1899 г., т. IV, стр. 193—194.

лась по преимуществу аллегорическим выражением общих «нравственных понятий». Крылов придал басне конкретность и жизненность. Басня из аллегорической «притчи» стала жизненной картиной, комической сценкой, бытовой зарисовкой, не потеряв в то же время своего обобщенно-моралистического характера.

Крылов не только вернул басню к ее народным источникам, но и поднял ее, как высокое национальное искусство, выражающее дух русского народа. Хотя, подобно всем баснописцам, он охотно пользовался уже известными басенными мотивами Эзопа, Федра, Лафонтена, однако они перевоплощались им в образы русской жизни, русской действительности.

Белинский писал по поводу басен Крылова, что «басня не есть аллегория и не должна быть ею, если она хорошая, поэтическая басня; но она должна быть маленькою повестью, драмою, с лицами и характерами, поэтически очеркнутыми. Самые олицетворения в басне должны быть живыми, поэтическими образами»¹.

В другом месте Белинский замечает: «Можно думать, что если бы Крылов явился в наше время, он был бы творцом русской комедии». Действительно, басни Крылова драматичны и

---

¹ Полное собрание сочинений В. Белинского, 1901 г. т. V, стр. 264.

комедийны, они как бы вобрали в себя опыт его как драматурга. В обрисовке действующих лиц, в живости диалога, в богатстве устной речи заключено зерно будущих комедий Грибоедова, Гоголя, Островского.

Басенный стих Крылова показал такую гибкость, выразительность и разговорную свободу, которых до Крылова русский стих не знал. Гибкость метрического строя позволяла Крылову слить стих с живой разговорной речью, в которой совершенно неощутима метрическая схема. Крылов обращался как к традиции русского басенного стиха (Сумарокова, Хемницера), так и, в первую очередь, к живой народной речи, к народному творчеству. В частности, несомненны связи крыловского стиха с лубочным стихом. «Демьянова уха» перекликается с лубочным изображением хозяйки, сидящей за столом, за которым пируют гости, с подписью: «По старине, когда на стол поставят есть, хозяйшкa должна поднестъ для почищения глотки гостям по чарке водки» и т. д. Басня «Ворона и Курица» связана с сюжетом популярной лубочной картинки И. Терebeneва «Французский вороний суп», помещенной в тогдашнем журнале «Сын Отечества». На ней изображены четыре французских гренадера в оборванных мундирах, с жадностью разрывающие ворону.

Басня Крылова «Щука и Кот» сразу же пере-

шла в лубок. На народной картинке того времени изображен Кутузов на коне, тянущий один конец сети, в которую должен попасть Наполеон, а на другом конце ее — сидящий на якоре адмирал Чичагов, за спиной которого проскакивает в виде зайца Наполеон. Так расшифровывалось злободневно-политическое содержание басни Крылова. Целый ряд басен Крылова («Волк на псарне», «Кот и Повар» и мн. др.) стали достоянием лубка, свидетельствуя об их широкой популярности в народе. Лубочные издания басен с их яркими иллюстрациями занимают почетное место в ряду графического воплощения крыловских образов.

Близость к фольклору придает особенную яркость и жизненность басенным образам Крылова. Они насыщены всеми красками русских сказок. Не от Лафонтена и не от Федра, а от русской сказки пришли они в басни Крылова. В них русский поэтический язык впервые достиг подлинно народной простоты и естественности. Вместе с баснями Крылова народный язык ворвался в русскую поэзию, вытесняя книжные тяжеловесные формы XVIII века.

По меткому определению Белинского, в баснях Крылова их национальный характер сказан прежде всего в «народной физиономии» языка: «...все это выражено в таких оригинально-русских, непередаваемых ни на какой язык в

мире образах и оборотах; все это представляет собою такое неисчерпаемое богатство идиомов, руссизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, — что сам Пушкин не полон без Крылова, в этом отношении»¹. Общность литературной позиции в вопросах языка с Шишковым и Державиным, — противниками подновления языка на основе карамзинских реформ, заключавшихся во вводе искусственно-переводных заимствований, — сказалась у Крылова в стремлении сохранить все национальное своеобразие и самобытную красоту русской речи.

Один из современников Крылова заметил: «Дмитриев ввел басню во дворец. Крылов вывел ее на площадь». Крылов не ограничивался рамками книжного литературного языка, а ввел в поэзию все разнообразие русской народной речи, показал неисчерпаемые возможности русского языка, ввел в поэзию самые разнообразные языковые слои и диалекты. Язык крестьян, язык мещанской и купеческой среды, формы чиновничье-приказного стиля, язык светского общества — все это слилось в едином могучем языковом потоке басен Крылова.

---

¹ Полное собрание сочинений В. Белинского, 1901 г. т. V, стр. 265—266.

Буквально каждый стих его остр и выразителен, эпиграмматически точен. О смелости «изобретения» и точной простоте крыловских образов писал Пушкин, называя Крылова в одном ряду с величайшими мировыми поэтами и приводя в качестве примера крыловский стих о храбром Муравье: он «... даже хаживал один на паука».

Русский колорит крыловского стиха прекрасно охарактеризовал современник Крылова и его биограф П. Плетнев: «Как писатель, он прямо русской своей природе был обязан тем превосходством в постижении духа нашей жизни и нашего языка, которое в этом отношении поставило его у нас на первом плане. Он в уме своем представлял только Россию, одним духом движимую, поражающую воображение своею огромностью, величиною частей своих, красками своими и действующую как одно существо в гигантских размерах»¹.

Ясность и богатство языка Крылова, меткость его выражений лучше всего засвидетельствованы тем, что они перешли давно уже в народную речь, обогатили ее. Кто не пользуется такими выражениями, как «услужливый дурак опаснее врага», «у моря погоды жду», «слона-то

---

¹ П. Плетнев. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Сочинения, т. II, СПб, 1885 г., стр. 34.

я и не приметил», «беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник», «а Васька слушает, да ест», «да чтоб гусей не раздражить», «а вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь» и т. д., — они давно стали поговорками и крылатыми словами.

Басни Крылова сохранили свою выразительность и жизнь для всех последующих поколений, вплоть до нашей эпохи. Это объясняется тем, что самая сущность басни в том, что она «постоянно находит новое и новое применение», как писал о басне Потебня. Басня, как жанр, возрождается именно тогда, когда возникает общественная потребность в сатире, в формах массовой народной литературы. Поэтому басенные образы Крылова возродились с особой силой в творчестве Салтыкова-Щедрина. И глупая, неблагодарная Свинья («Свинья и правда»), и воевода Медведь («Медведь на зоеводстве»), и царь Лев, и вельможный Осел, и бесцеремонная жадная Щука («Карась-идеалист») — приобрели новое звучание на страницах Салтыкова-Щедрина.

Впоследствии басенные принципы Крылова подхвачены были поэтами-искровцами в их острой демократической сатире. И, наконец, в годы между двух революций они возрождены были Демьяном Бедным, басни которого, помещавшиеся на страницах «Правды», сыграли

большую агитационную роль в период борьбы с самодержавием.

Крылов—один из любимых писателей Ленина, который неоднократно пользовался разнообразными персонажами крыловских басен в своей публицистике, осмеивая пустое либеральное краснбайство или разоблачая буржуазных волков в овечьей шкуре. Крыловский образ вороны в павлиньих перьях напомнил нам товарищ Сталин, высмеивая гитлеровских ворон, пытавшихся обмануть простаков своей демагогией.

Слава Крылова давно вышла за пределы России. Крылов-баснописец получил мировое признание, и его басни заняли почетное место наряду с баснями Эзопа и Лафонтена, стали достоянием всех народов. Они переведены на пятьдесят языков мира.

«Крылов, — писал о нем французский исследователь Ж. Флери, — соединил в одно целое глубину моралиста и суровую силу сатирика, которая присуща только ему, и его место отмечено не только между лучших русских писателей, но и между великих баснописцев мира».

Особую роль басни Крылова сыграли в культурной жизни народов Советского Союза. Их народная основа и мудрость, простота формы и глубокая содержательность сделали крыловские басни важным воспитательным средством для

народов, нашедших в них ответ на запросы своей молодой демократической культуры.

Крыловская басня живет и поныне, в грозные дни Великой Отечественной войны, возрождаясь в политических баснях советских поэтов.

Слава Крылова — слава великого русского Саснописца — живет и будет жить, по пророческим словам Белинского, писавшего:

«Число читателей Крылова беспрерывно будет увеличиваться, по мере увеличения числа грамотных людей в России... со временем его будет читать весь народ русский. Это слава, это триумф! Из всех родов славы, самая лестная, самая великая, самая неподкупная слава народная»¹.

---

¹ Полное собрание сочинений В. Белинского 1926 г., т. XII, стр. 506.

Q. 31.

56

